

В.В. Хухарев, А.В. Зиновьев

Тверской госуниверситет

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ДАНИЛЕВСКИЙ И ЧАРЛЬЗ ДАРВИН: ДВА ВЗГЛЯДА НА ПРИРОДУ И ИСТОРИЮ

Крупный российский мыслитель и естествоиспытатель Н.Я. Данилевский (1822-1885) стал широко известен благодаря серии публицистических статей о культурно-политических взаимоотношениях славянского и романско-германского миров в журнале «Заря» в 1869 году¹. В 1871 году эта работа выходит уже отдельным изданием под названием «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому»². В конце XIX века Н.Я. Данилевский воспринимался как признанный мыслитель, привнесший в движение славянофилов линию панславизма, создатель оригинальной версии концепции локальных цивилизаций [4, с.18-20].

При этом надо заметить, что предложенная Н.Я. Данилевским в качестве основы мироустройства достаточно «биологическая схема», в большей части трактующая мир как некий организм, не была чем-то принципиально новым. Её уже пытались применить в своих теоретических построениях М.В. Петрашевский и А.А. Григорьев. Правда, Данилевский пошел дальше, предложив принять законы органического мира в качестве законов, отвечающих за всеобщие принципы бытия. В результате этого законы развития мира отдельных типов-организмов были применены в роли своеобразного инструмента, сквозь «призму» которого исследователь попытался взглянуть на всю мировую историю [11, с.77-80].

Статьи, в которых обосновывались эти положения, были написаны Н.Я. Данилевским в 1865-1868 годах. При этом из наследия раннего славянофильства в свою концепцию им была взята идея всемирно-исторического предназначения русских. На чем же базировались построения исследователя? Несомненно, что в большей части своих теоретических построениях Данилевский шёл проторенной дорогой переноса идей и подходов биологии в социологию. Развивая оригинальную версию концепций локальных цивилизаций, он выдвигал на первый план национально-расовые структуры, существовавшие и развивающиеся, как он считал, самобытно, иерархически, изолированно, независимо от других, рядом в пространстве. Это оправдывалось тезисом о «необходимости

¹ Журнал научно-литературных и политических публикаций «Заря» выходил в 1869-1871 годах ежемесячно в Санкт-Петербурге (в 1872 г. вышли только номера 1 и 2), издатель-редактор В.В. Кашпирев (см.: Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати 1703-1900. СПб., 1915. С. 244 и след.).

² Кроме журнальной публикации (Заря. 1868. №1-6, 8-10) и издания 1871 г. эта работа Н.Я. Данилевского выходила отдельными изданиями в 1888, 1889, 1895, 1991 и 2003 годах.

подпереть историю методами естественных наук», в частности биологии (в рамках её органической теории). Кроме того, Данилевский постоянно подчёркивал свой скепсис относительно идеи о существовании общечеловеческой цивилизации – одной из основных идей «русских европейцев». «Общечеловеческая цивилизация, – пишет он, – не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе не желательная неполнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал...» [6, с.124]. При этом Данилевский активно пользуется идеей об отсутствии всеобщего биологического закона, а значит, и отсутствии единого исторического развития общества и невозможности деления истории на древнюю, среднюю и новую. Поэтому в каждом из этих периодов народы находятся на разных ступенях развития, развиваясь неравномерно; что позволяет ему сделать вывод о существовании человечества не как целого, а лишь в качестве отдельных культурно-исторических типов (КИТ) [3, с.425-433; 4, с.18-20].

Таких КИТов им выделяется десять: китайский, ассиро-вавилонский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитский (аравийский), германо-романский (европейский). Выделение еще двух – американского и перуанского – «проблематично», так как они были уничтожены насильственно, а «новоамериканский» пока еще не оформился и не даёт оснований для определенных суждений. Россия, как и все славянство выносились в особый культурно-исторический тип, не совпадающий с известными и особенно отличающийся от германо-романского.

Критериями для оценки и отбора КИТов в качестве полноценных цивилизаций Данилевский объявляет четыре своеобразных разряда: религиозный, собственно культурный (наука, искусство, промышленность), политический и социально-экономический. При этом анализ выделенных КИТов по этим разрядам выявляет их неравноценность. Одни выступают как одноосновные культуры (греки, евреи), другие народы творят культуру в сочетании двух-трех разрядов. И лишь Россия выступает как носитель «четырёхосновной» культуры [6, с.508 и след.].

Кроме того, Н.Я. Данилевский формулирует пять основных законов «движения или развития» КИТов: закон «сродства языков», закон «политической независимости», закон «непередаваемости цивилизации», закон «разнообразия и силы составных типов», закон «краткости периода цивилизации». Законы подвели его к выводу о выделении реального носителя КИТов в прошлом – народностей, а в настоящем – наций [6].

По сути дела, Н.Я. Данилевский предложил идеалистическую концепцию происхождения наций, их признаков и законов развития. Концепция эта была основана на крайне идеалистическом понимании истории (с использованием таких понятий, как дух, имманентная сущность народов и т.д.), мощнейшей позитивистской платформе (исследования Данилевского переполнены биологическими аналогиями). При этом, эскизно очерчивая нацию как историче-

ский феномен, Данилевский почти полностью отвлеклся от объективных териальных отношений в обществе, практически не ссылаясь на особенности экономики или хозяйственной деятельности людей.

Несмотря на все эти явные недостатки концепции (отмеченные уже современниками), книга Н.Я. Данилевского оказалась очень политически аналитической. В ней традиционная идея славянской самобытности была переведена в абсолютную исключительность. Тем самым была подведена платформа панславянской программы и движения к Славянской федерации во главе России. Он прямо пишет об этом: «...будучи чужда европейскому миру своему внутреннему складу, будучи, кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи, быть одной из великих европейских держав, — Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы государств и служа противовесом Европе всей ее общности и целостности. Вот выгода, польза, смысл Всеславянского союза по отношению к России» [6, с. 402].

В сложный период Балканского кризиса концепция Данилевского стала своего рода патриотическим манифестом и, как заметил Н. Страхов, своеобразным «кодексом славянофильства».

Правда, надо заметить, что современники восприняли концепцию Н.Я. Данилевского весьма неоднозначно. Наверное, лучше всего об этом написал Н. Михайловский, который сравнивал приемы Данилевского с «манерой вещего Баяна»: «... наметив известное положение как требующее доказательств, он [Данилевский] ищет в разных отраслях знания случаев аналогических, более или менее подходящих, хотя бы самым внешним поверхностным образом; для этого он растекается мыслию по древу (отправляется в ботанику), рыщет серым волком по земле (геологии и истории), летает сизым орлом не только под и над облаками (в области астрономии) и группирует таким путем массу образов, более или менее знакомых читателю и потому мало способных рассматривать его критическую мысль». За этим изобилием слабость главных аргументов не замечается, а читатель втягивается в игру, где, как замечал Н. Михайловский, «история и социология превращаются в шахматы, в искусственную игру фактами ради политических целей, в обыгрыш доверия читателей....» [10, т.3, с.866].

Но не такой критики опасался Н.Я. Данилевский. Вся его интеллектуальная мощь с зимы 1879 года была направлена на полемику с дарвинизмом. Причиной тому послужила предложенная Ч. Дарвином теория «Происхождения видов...», которая ударяла в основу всей мировоззренческой системы Данилевского, превращая его концепцию большей частью в забавное публицистическое произведение. Впервые Данилевский познакомился с учением Ч.Дарвина в 1861 году, находясь в командировке в Норвегии. Собрав в дальнейшем «главнейшие сделанные против Дарвина замечания», он попытался записать и свои мысли. Широкий общественный резонанс, вызванный теори-

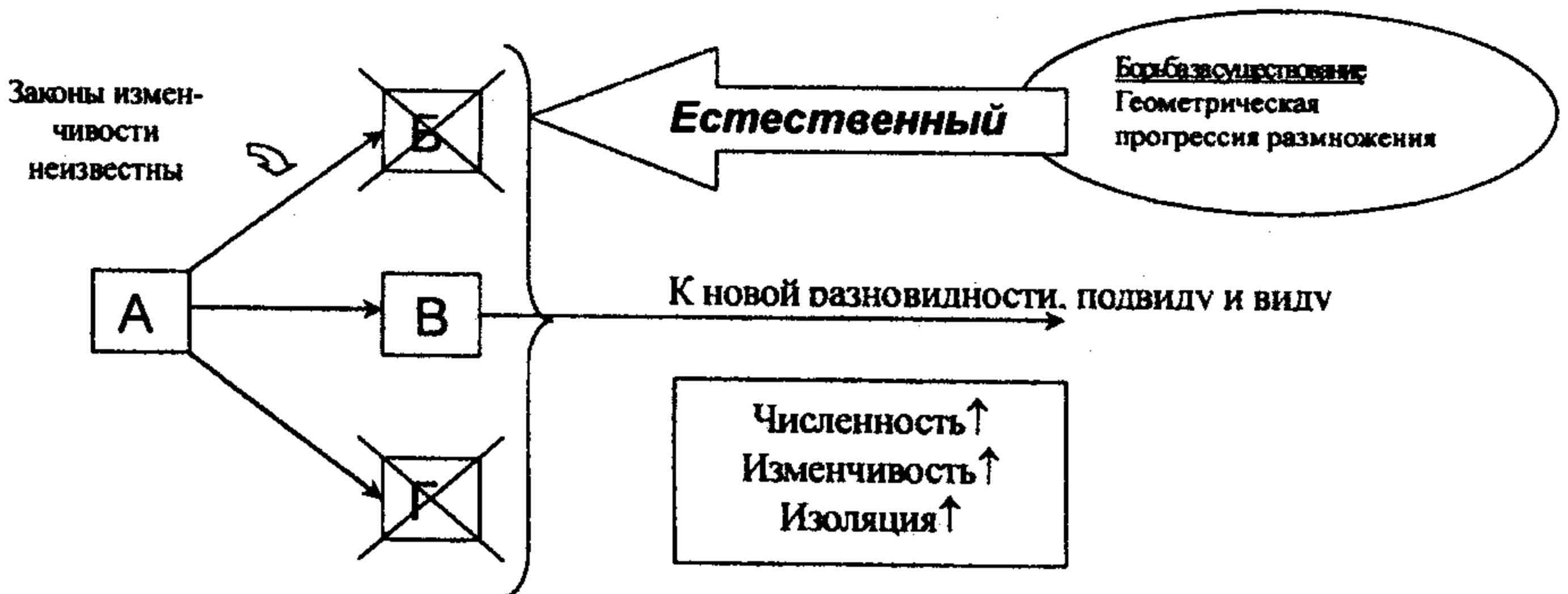
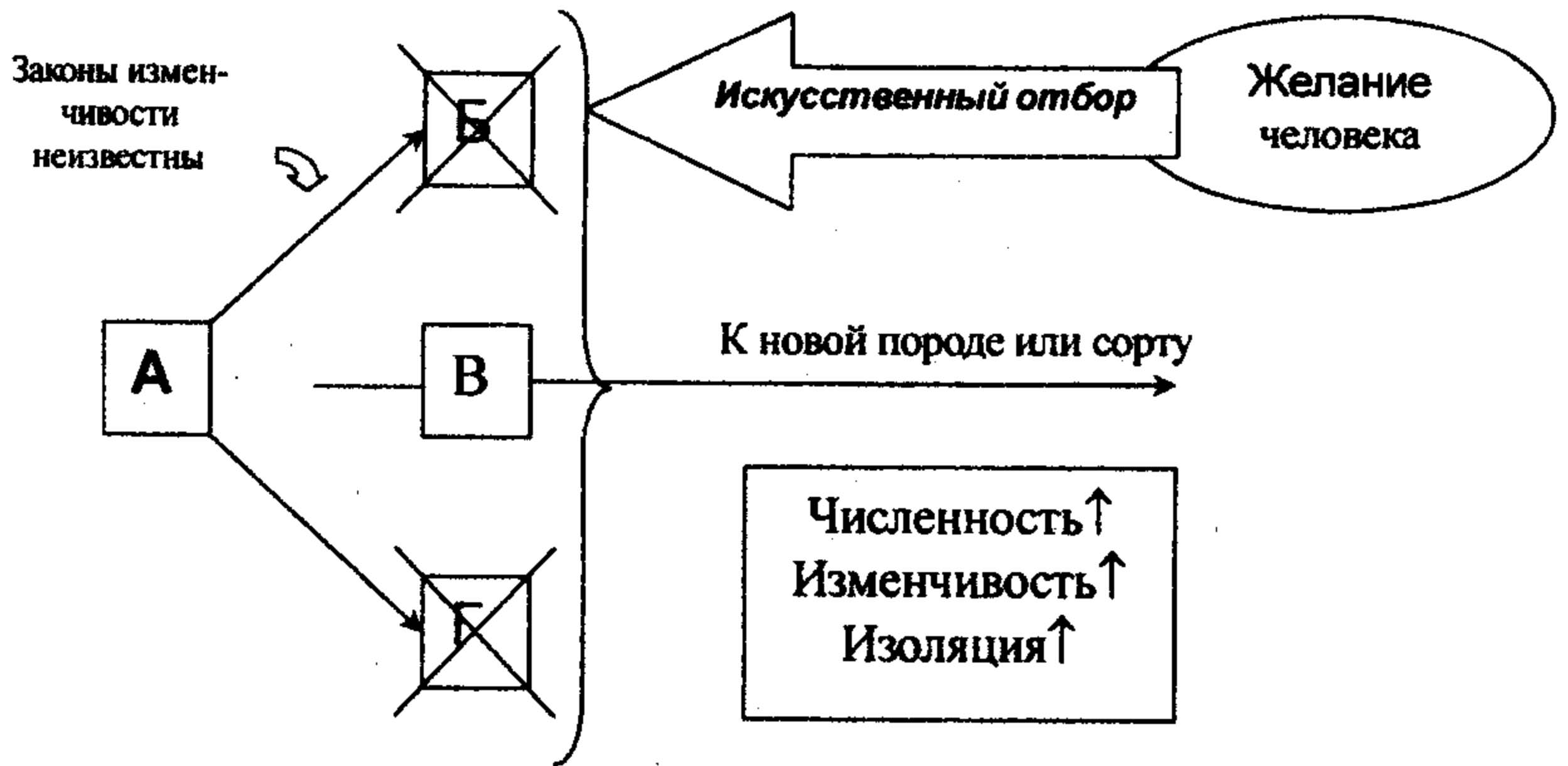
■ Дарвина, по мнению Н.Данилевского, был вызван не столько предло-
 ■ ным разрешением вопроса о происхождении разнообразных органиче-
 ■ х форм, сколько решением вопроса о целесообразности в природе – во-
 ■ оса, который имел «важное и глубокое философское значение».

■ Несомненную важность в понимании заочного спора «Дарвин – Данилев-
 ■ ий» имеет научная биография Николая Яковлевича. Как ученый и исследо-
 ■ ель, он во многом сформировался на совместных с К.М. Бэром рыбохозяй-
 ■ енных исследованиях, развернувшихся на пространстве от Каспийского и
 ■ рного морей до Ледовитого океана. Впоследствии Данилевский выступал
 ■ одолжателем концепции Бэра и в зоологии.

■ «Происхождение видов...» (Darwin, 1859) – книга, в которой Ч.Дарвин
 ■ 1809-1882) изложил основы своих революционных взглядов на эволюцию в
 ■ риродe, имела под собой мощную фактическую базу. Дарвин собирал этот
 ■ агаж более двадцати лет. Его исследования отличались большой фактоло-
 ■ ичностью [12]. Это, собственно, отмечает и Данилевский в своём двухтом-
 ■ ном критическом исследовании, подробно рассматривая все части учения
 ■ арвина. В вопросе подбора и анализа фактов эту работу отличают не только
 ■ рудия автора, но и обширные знания в разных областях биологической
 ■ науки. Нельзя упрекнуть Данилевского за невнимательное прочтение работ
 ■ арвина или за неправильное понимание сути его теории, как это неодно-
 ■ кратно случалось с другими критиками. Отдавая должное Данилевскому, на-
 ■ до заметить, что теория «Происхождение видов...» была изложена Николаем
 ■ Яковлевичем доступно, популярным языком и достаточно понятно. Заставил
 ■ его это сделать философский и мировоззренческий характер дарвиновского
 ■ учения. Для многих европейцев теория Дарвина оказалось более чем перево-
 ■ ротом в естествознании. По сути дела, своим учением Дарвин убрал «ката-
 ■ ракту» с глаз исследователей, поскольку естественным путем, основываясь на
 ■ признаках случайности, смог объяснить то разнообразие живых существ, ко-
 ■ торое ранее заставляло человека думать о божественном провидении, убрал
 ■ идею креацианизма из природы. И хотя Дарвин в своем учении прямо не от-
 ■ казался от идеи «Бога, как Творца», он снял необходимость в его привлечении
 ■ для объяснения большинства фактов органического мира, его целесообразно-
 ■ сти, правда оставив ему роль создателя и вдохновителя первой формы.

■ Не ставя перед собой цели подробно разбирать теорию Дарвина, чтобы
 ■ показать все проблемы, на которые распространялась критика Данилевского,
 ■ приведем лишь ее суть. Стоит заметить, что логика эта была с успехом обна-
 ■ ружена Н.Данилевским [7].

■ Теория Дарвина попадает по сути своей в группу трансформистских тео-
 ■ рий, объясняющих возможность происхождения одних живых форм (подви-
 ■ дов, видов и т.п.) из других. В доказательство возможности такого процесса в
 ■ природе Дарвин привлекает создание человеком новых сортов растений и по-
 ■ род животных. В первой главе работы им последовательно рисуется процесс,
 ■ который для простоты восприятия можно изобразить следующей схемой:

Потомство особи «А» неодинаково в силу изменчивости, причины или законы которой Дарвину известны не были. Среди потомков «Б», «В» и «Г» особи «А» только особь «В» обладала полезными человеку наследственными признаками, который по своему желанию оставил (т.е. отобрал) ее для использования и размножения. Большая численность и изменчивость объекта отбора в сочетании с изоляцией значительно ускоряют процесс образования новой породы или сорта. Процесс отбора, приводящий таким образом к возникновению новых сортов и пород, Дарвин назвал *искусственным*, чтобы подчеркнуть причастность к нему человека. Суть остальной части книги Дарвина заключается в доказательстве наличия подобной же схемы в дикой природе и подробном анализе каждого из ее компонентов. В нескольких последующих главах он действительно находит аналоги всем компонентам в построенной для искусственного отбора схеме, которая теперь выглядит так:

Потомство особи «А» неодинаково в силу изменчивости, причины которой Дарвину известны не были. Среди потомков «Б», «В» и «Г» особи «А»

только особь «В» обладала полезными наследственными признаками, позволившими ей выжить в процессе борьбы за существование, обусловленной нехваткой ресурсов в силу геометрической прогрессии размножения, и оставить потомство. Большая численность и изменчивость объекта отбора в сочетании с изоляцией значительно ускоряют процесс образования новой разновидности, подвида и вида. Процесс отбора, приводящий таким образом к возникновению новых разновидностей и, в конце концов, видов, Дарвин назвал *естественным*, чтобы подчеркнуть непричастность к нему человека. В оставшейся части книги Дарвин проверяет правильность своей теории различными категориями фактов, как-то: морфологическими, эмбриологическими, палеонтологическими, биогеографическими. Значительное место, особенно в последних прижизненных изданиях, он также уделяет ответам на возражения оппонентов.

Данилевскому, как уже отмечалось, удалось проникнуть в логику труда Дарвина, ей он следует и в своей критике. Но перед тем как обратиться к небольшому количеству важных частных замечаний, мы должны указать на главную «мишень», в которую была «нацелена» критика Данилевского. В основе теории Дарвина лежит случайность (случайные наследственные изменения), с которой как представитель телеологических воззрений Данилевский согласиться не мог. Поддерживая взгляды К.М.Бэра, он признавал, что «некая сила вызывает к жизни каждый конкретный вид, который, таким образом, имеет свое начало, а также и конец...» (истинность вымирания видов была очевидна уже и в XIX веке). Каждый раз, когда возникают виды (каким образом, Данилевский умалчивает, вынося это за рамки понятий положительной науки), которые в своей организации приспособлены к условиям своей среды обитания, причем приспособленность эта касается всего организма как единого целого.

Для показа истинности своих взглядов, Данилевский поэтапно анализирует компоненты приведенной выше схемы дарвиновской теории, а также проверяет её верность как на фактах Дарвина, так и на своих. Поскольку Дарвин «стартовал» с искусственного отбора, то с разбора такового и начинается свой критический труд Данилевский. Он соглашается с тем, что культурные растения и домашние животные обладают изменчивостью и, несомненно, многие из них были получены человеком в результате сохранения наиболее подходящих по свойствам форм, но не согласен с тем, что возникновение этих новых форм произошло путем отбора человеком особей с небольшими отклонениями в положительную сторону. На большом количестве примеров он показывает, что изменения эти происходят, как правило, сразу, принося уже законченную форму, которую человек оставляет и размножает. Таким образом, Данилевский отрицал направленное действие отбора, в данном случае искусственного, а признал лишь его закрепляющее значение, т.е. сохранение тех изменений, которые произошли скачкообразно. Этим скачкообразным изменениям он и склонен приписывать целесообразность, обусловливаемую при-

чинами, не доступными положительной науке, а находящимися в рамках метафизических построений. Нетрудно заметить, что в данном случае основная критика Данилевского была направлена на наиболее уязвимую часть схемы Дарвина – «законы изменчивости неизвестны». Надо заметить, что Ч. Дарвин неоднократно подчеркивал, что не знает, почему и как происходят изменения, которые затем передаются по наследству. К моменту написания им «Происхождения видов...» генетики как науки еще не существовало, да и работа Менделя «Эксперименты по гибридизации растений» (1865) по ряду причин осталась неизвестной Дарвину. Поэтому любую критику теории Дарвина в этом направлении можно считать во многом беспочвенной, ибо в теории Дарвина не было место фантазиям на счет неизвестной тогда области наследственной изменчивости. Дарвин, понимая, что впоследствии потребуются объяснение и этих процессов, которые поставляют материал отбора, в некоторых своих работах предвосхитил открытие единиц наследственности – генов. Он писал о неких корпускулах, которые собираются от разных частей организма в репродуктивных органах и, комбинируясь, передаются по наследству, причем могут сохраняться, даже поначалу не проявляясь в потомках. Догадки эти впоследствии были с блеском подтверждены целым рядом генетических исследований XX века. Собственно по этой причине подробный анализ критики дарвинизма Данилевским приводить здесь не имеет смысла, поскольку за прошедшее время наука сильно продвинулась вперед в понимании законов изменчивости. К тому же в XIX веке блестящая критика Данилевского была осуществлена К.А. Тимирязевым в статье «Опровергнут ли дарвинизм» (1887). Поэтому имеет смысл обратить внимание лишь на наиболее интересные и спорные моменты работы Н.Я. Данилевского.

Так как же все-таки происходят изменения, которые «поставляют» материал для отбора или подбора, как более верно в XIX веке было переведено слово «selection» с английского языка?

Дарвиновская теория в своем изначальном виде указывала на то, что изменения эти малозаметны и не направлены, т.е. случайны. Хотя Дарвин указывал на возможность происхождения новых форм, как-то пород, сортов или видов с разновидностями в результате быстрых, скачкообразных изменений, преимущество он все же отдавал изменениям малозаметным, которые могли постепенно накапливаться отбором и слагаться им в определенных направлениях. С развитием генетики в начале XX века оказалось, что какие угодно изменения в наследственном аппарате происходить не могут, а существуют только определенные, «разрешённые». Поэтому мы не можем получить любые изменения, какие только можно помыслить; они канализованы или в более точном термине – паттернизированы. Это открытие привело к появлению мутационной теории эволюции, включающей в себя не только концепцию «гетерогенного размножения» (А. Келликера), но и представления о скачкообразном видообразовании (С. Майварта), о больших геологических мутациях (В. Ваагена), о геретогенезисе (С.И. Коржинского), а также идеи геолога

Э.Зюсса о «перечеканке живых существ», т.е. гигантских превращениях форм на протяжении коротких периодов. Они же привели к созданию ряда ортогенетических теорий, которые признавали наличие паттернов, «разрешенных» каналов в развитии. Ярким представителем этого направления среди отечественных ученых можно назвать Л.С. Берга с его теорией номогенеза [7].

Существование этих теорий указывает на действительное присутствие неких каналов изменчивости, внутри которых она может носить скачкообразный характер. В этом отношении критика Н.Я. Данилевским Ч. Дарвина вполне конструктивна. Он, вслед за своим учителем К.М. Бэром во многом предвосхитил последующие исследования в области эволюционной теории. Правда, следует заметить, что к пониманию существования таких моментальных сильных и кажущихся целесообразных изменений привели Н.Я.Данилевского как раз попытки философского подхода к разрешению проблемы дарвинизма. В обществе теория Дарвина была принята с восторгом. Многие учёные, занимавшиеся особенно «органическими темами», зачастую не задумывались об общей картине развития и взаимодействия живых существ. Поэтому под влиянием теории «Происхождения видов...» произошло оформление целого мировоззренческого направления, получившего название дарвинизм. Эволюционная теория стала своеобразной философией биологии, а поэтому подверглась активной критике [7].

В своих научных построениях Данилевский постарался избежать метафизических фантазий, которые «затыкали» бы бреши в научных построениях. Он лишь отнёс причину появляющихся «спонтанно целесообразно построенных организмов» за пределы положительной науки, т.е. в область метафизики. Конечно, это не может не вызвать критики, так как представления Бэра и Данилевского отодвигают в область непознаваемого много того, что берётся объяснить дарвиновская теория, причем в простых категориях случайности и отбора. Кроме того, Данилевский, напротив, не признаёт существования естественного отбора. Признавая наличие искусственного подбора, он в то же время указывает на невозможность использования его в качестве модели для объяснения событий, происходящих в дикой природе. На ряде примеров он показывает, что сорта и породы суть категории, не равные видовым в природе. Будучи перенесенными в дикую природу, они либо неизменно возвращаются в дикое состояние, либо попросту вымирают. А значит, искусственный отбор не равен естественному. Изменчивость же – ничто иное, как колебание вокруг некой формы, которую мы и считаем видовой, и колебания эти не могут служить материалом для возникновения новых видов, но используются человеком для получения искусственных форм, которые необходимо постоянно поддерживать.

Отмечая положительную роль теории Дарвина в плане обращения внимания научного сообщества и просвещенной публики на важность анализа проблемы взаимодействия организма со средой, отечественный мыслитель в то же время не смог согласиться с тем, что существует некий естественный от-

бор, приводящий к образованию новых форм. Критикуя в этой связи Геккеля, как яростного защитника дарвиновской теории, Данилевский замечает, что тот путает местами изменение и естественный отбор, «принимая естественный отбор за фактор изменения, в то время как тот — лишь инструмент для отбора изменений, уже произошедших» [5].

Следует заметить, что Данилевский, как собственно и Виганд, на которого тот ссылается в своей критике, не совсем верно истолковали Дарвина и Геккеля в данном пункте. Последние говорят о формообразующей деятельности естественного отбора лишь в значении его направленности. Конечно же, изменения происходят в разных направлениях до действия естественного отбора, но таковой затем отбирает, накапливает (*contra* Данилевский) и слагает их в нужных направлениях. Таким образом, не являясь причиной собственно изменений в наследственном аппарате, естественный отбор тем не менее становится инструментом, который накапливает их в определенном направлении и, таким образом, косвенно повинен в приобретении живыми организмами тех, а не иных признаков, а значит, причастен к появлению в природе конкретной формы! Соглашаясь с этим ради проведения мысленного эксперимента, Данилевский указывает на невозможность образования новых видов в естественных условиях; наиболее сильным его аргументом выступает необходимость скрещивания особей у большинства видов для продолжения рода, а значит, благоприобретенные изменения в конце концов должны раствориться в общей массе особей, а не стать достоянием новой разновидностью, а затем и вида. Аргумент этот, как и многие другие, касающиеся генетической стороны эволюции, опровергнут в первой половине XX века; именно тогда было доказано, что признаки не растворяются при скрещивании, а сохраняются внутри популяции и «дрейфуют» в разных направлениях и с разными скоростями в зависимости от внешних условий, представляя собой ценный багаж изменчивости для последующего действия естественного отбора. Под эти процессы был, в конце концов, подведен и математический аппарат (формула Харди-Вайнберга, например), недостаток которого обеспечил изрядную долю критики Данилевскому.

Другая сторона критики Данилевским Дарвина, которая заслуживает внимания, — это коррелятивные изменения организмов. Сам того не подозревая, своей критикой Данилевский обратил внимание ученых последующих поколений на проблему формообразования. Еще Кювье и Сент-Илер отметили, что изменения признака, например органа, рассматриваемого с точки зрения селекции его естественным отбором, неизменно влекут за собой изменения в других частях организма. А значит, отбор идет не по одному признаку, а «тащит» за собой и другие, бесполезные и иногда вредные. «Но тогда где же Дарвинизм?» — восклицает Данилевский. Дарвин лишь вскользь указывает на такую коррелятивную изменчивость, справедливо объясняя ею наличие на первый взгляд бесполезных признаков. Дальнейшие исследования показали, что формообразование в процессе онтогенеза идет путем индукции, т.е. раз-

витие одних тканей и органов последовательно индуцируется прилежащими. Кроме того, нормальное развитие многих частей объясняется их функционированием в процессе развития и во взрослом состоянии. Поэтому и создается впечатление, что изменившийся организм коррелятивно меняется «чудесным» образом; по сути же дела, он представляет собой лишь целостную систему, взаимосвязанную и подчиненную в изменениях конкретному действию, а не высшей силе, как это описывал Данилевский. Внешняя среда также оказывает действие на формирование организма, вызывая изменения его фенотипа в рамках нормы реакции, предоставляемой генотипом. В отсутствии данных генетики это показалось Данилевскому проявлением метафизической целесообразности.

Подводя итоги нашего рассмотрения заочной дискуссии Данилевского с Дарвиным о природе, надо отметить, что выступления Данилевского с позиций активного антидарвиниста оказались весьма интересными. Повышенное внимание мыслителя, проявленное к ряду причин, механизмам и сути изменчивости, сохраняется и зачастую трактуется неоднозначно и на современном этапе научного развития. По-прежнему имеют право на существование представления о быстрых и направленных изменениях в аппарате наследственной изменчивости, ведутся споры о канализованности формообразования [2; 9]. Своеобразным компромиссом между приверженцами взглядов быстрых или медленных изменений служит теория прерывистого равновесия, которая объединяет в себе относительно короткие периоды ароморфических изменений с более продолжительными идиоадаптационными периодами стазиса.

В целом можно заметить, что критическое исследование Н.Я. Данилевским теории Ч. Дарвина сохраняет свое значение в качестве примера добросовестного труда не только глубоко эрудированного ученого, но и талантливо-го мыслителя. Публицистические выступления Н.Я. Данилевского оформили новое направление в славянофильстве – линию панславизма. Предложив оригинальную версию локальных цивилизаций, основанную на натуралистическом понимании социокультурных процессов, и провиденциальное толкование истории, Данилевский во многом продолжил линию славянофильского теоретизирования. Отказавшись от концепции общечеловеческой цивилизации (основной тезис европейцев) как «непостижимого идеала», Данилевский предложил модель мирового устройства, на одной стороне которого – Европа, а на другой – славянский мир, ведомый Россией. В своей концепции локальных цивилизаций, он утверждал, что расцвет Европы миновал и она движется к своему закату. Поэтому Россия должна стать «главою особой самостоятельной политической системы государств...». Линия на откровенную оппозицию России Европе, основанная на осознании этнической самостождественности славянских народов и реализующаяся в целостности их культур, была выведена Данилевским на основании натуралистического понимания истории. В свою очередь, это понимание базировалось на основе достаточно устарелой телеологической концепции. Особенно ощутимый удар по ней на-

несло учение Ч. Дарвина, предложившего стройную концепцию «Происхождения видов...». Защите своей концепции в зоологии и истории Данилевский посвятил обстоятельный труд по критике дарвинизма, достаточно критически воспринятый уже современниками. События политической и общественной жизни конца XIX века достаточно четко показали реалии, не укладывающиеся в жесткую панславистскую схему Данилевского и его натуралистического понимания общественной жизни в духе борьбы против стихий. Но целый ряд его гениальных догадок и разработок как в публицистике, так и естественно-научном наследии оказался воспринят и продолжен трудами других исследователей¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажов С.И. Философия истории Н.Я.Данилевского. М., 1997.
2. Берггрэн У.А., Кауверинг Д.А., Гулд С.Д. и др. Катастрофы и история Земли: Новый униформизм: Пер. с англ. М., 1986.
3. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия IX-XIX вв. Л., 1989.
4. Губман Б.Л. Россия и Европа в философии русской истории. Тверь, 1995.
5. Дарвинизм. Критическое исследование Н.Я.Данилевского: В 2 т. (15 приложений). СПб., 1885-1889.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и ком. С.А. Вайгачева. М., 1991.
7. Зиновьев А.В. К «Происхождению видов...». Тверь, 2005.
8. История биологии с древнейших времен до начала XX в. / Под ред. С.Р. Микулинского. М., 1972.
9. Лима-де-Фариа А. Эволюция без отбора: Автоэволюция формы и функции: Пер. с англ. М., 1991.
10. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. СПб., 1909.
11. Соловьев В.С. Данилевский // Энциклопедический словарь: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефронь. СПб., 1893. Т. X, С.77-80.
12. Darwin C. On the origin of species by means of natural selection or the preservation of favoured races in the struggle for life. 1-st ed. London, 1859.

¹ Выражаем большую признательность О.В. Вершининой и И.В. Лобановой (Научная библиотека ТвГУ) за помощь в работе с редкими изданиями.